Алёша Попович и Тугарин Змеевич

Русская былина

Хотите такую же сказку, где герой - ваш ребёнок?

skazka4you.ru

Алёша Попович и Тугарин Змеевич

РУССКАЯ БЫЛИНА

Из славнова Ростова, красна города,
Как два ясныя соколы вылетывали,
Выезжали два могучия богатыри:
Что по именю Алешинька Попович млад
А со молодом Екимом Ивановичем.
Оне ездят, богатыри, плеча о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское.
Оне ездили-гуляли по чисту полю,
Ничего оне в чистом поли не наезживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали оне зверя прыскучева,
Только в чистом поле наехали —
Лежит три дороги широкия,
Промежу тех дорог лежит горюч камень,
А на каменю подпись подписана.
Взговорит Алеша Попович млад:
«А и ты, братец Еким Иванович,
В грамоте поученой человек!
Посмотри на каменю подписи,
Что на каменю подписано».
И скочил Еким со добра коня,
Посмотрил на каменю подписи, —
Росписаны дороги широкия:
Первая дорога во Муром лежит,
Другая дорога — в Чернигов-град,
Третья — ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
Говорил тут Еким Иванович:
«А и братец, Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?».
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Лутче нам ехать ко городу ко Киеву,

Ко ласкову князю Владимеру».
Втапоры поворотили добрых коней
И поехали оне ко городу ко Киеву.
Не доехавши оне до Сафат-реки,
Становились на лугах на зеленыех,
Надо Алеши покормить добрых коней,
Расставили тут два бела шатра,
Что изволил Алеша опочив держать,
А и мало время позамешкавши,
Молоды Еким со добры кони,
Стреножемши, в зелен луг пустил,
Сам ложился в свой шатер опочив держать.
Прошла та ночь осен(н)ея,
Ото сна Алеша пробужается,
Встает рано-ранешонько,
Утрен(н)ей зарею умывается,
Белаю ширинкаю утирается,
На восток он, Алеша, богу молится.
Молоды Еким сын Иванович
Скоро сходил по добрых коней,
А сводил он поить на Сафет на реку,
И приказал ему Алеша
Скоро седлать добрых коней.
Аседлавши он, Еким, добрых коней,
Нарежаются оне ехать ко городу ко Киеву.
Пришел тут к ним калика перехожей,
Лапатки на нем семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой в тридцать пуд.
Шелепуга подорожная в пятьдесят пуд,
Налита свинцу чебурацкова,
Говорил таково слово:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!

Видел я Тугарина Змеевича,
В вышину ли он, Тугарин, трех сажен,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела,
Конь под ним как лютой зверь,
Из хайлиша пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит.
Привезался Алеша Попович млад:
«А и ты, братец, калика перехожея!
Дай мне платье каличее,
Возьми мое богатырское,
Лапатки свои семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шубу свою соболиную долгополую,
Шляпу сорочинскую земли греческой в тридцать пуд,
Шелепугу подорожную в пятьдесят пуд,
Налита свинцу чебурацкова».
Дает свое платье калика Алеши Поповичу, не отказываючи,
А на себе надевал то платье богатырское.
Скоро Алеша каликою нарежается
И взял шелепугу дорожную,
Котора была в пятьдесят пуд,
И взял в запас чингалиша булатное,
Пошел за Сафат-реку.
Завидел тут Тугарин Змеевич млад,
Заревел зычным голосом,
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Попович едва жив идет,
Говорил тут Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси, калика перехожея!
А где ты слыхал и где видал
Про молода Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьем заколол,
Копьем заколол и огнем спалил».

Говорил тут Алеша каликою:
«А и ты ой еси, Тугарин Змеевич млад!
Поезжай поближе ко мне,
Не слышу я, что ты говоришь».
И подъезжал к нему Тугарин Змеевич млад.
Сверстался Алеша Попович млад
Против Тугарина Змеевича,
Хлес(т)нул ево шелепугою по буйной голове,
Росшиб ему буйну голову,
И упал Тугарин на сыру землю,
Скочил ему Алеша на черну грудь.
Втапоры взмолится Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси ты, калика перехожея!
Не ты ли Алеша Попович млад?
Токо ты Алеша Попович млад,
Сем побратуемся с тобой».
Втапоры Алеша врагу не веровал,
Отрезал ему голову прочь,
Платья с него снимал цветное на сто тысячей,
И все платья на себе надевал,
Садился на ево добра коня
И поехал к своим белым шатрам.
Втапоры увидели Еким Иванович
И калика перехожея,
Испужалися ево, сели на добрых коней,
Побежали ко городу Ростову.
И постигает их Алеша Попович млад,
Обвернется Еким Иванович,
Он выдергивал палицу баёвую в тридцать пуд,
Бросил назад себе:
Показалося ему, что Тугарин Змеевич млад,
И угодил в груди белыя Алеши Поповича,
Сшиб из седелечка черкесскова,
И упал он на сыру землю.
Втапоры Еким Иванович

Скочил со добра коня, сел на груди ему,
Хочет пороть груди белыя,
И увидел на нем золот чуден крест,
Сам заплакал, говорил калики перехожему:
«По грехам надо мною, Екимом, учинилося,
Что убил своего братца родимова».
И стали ево оба трести и качать
И потом подали ему питья заморскова,
От того он здрав стал.
Стали оне говорити
И между собою платьем меняти:
Калика свое платье надевал каличье,
А Олеша — свое богатырское,
А Тугарина Змеевича платье цветное
Клали в чебодан к себе.
Сели оне на добрых коней
И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
А и будут оне в городе Киеве
На княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привезали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни,
Молятся Спасову образу
И бьют челом-поклоняются
Князю Владимеру и княгине Апраксевне,
И на все четыре стороны.
Говорил им ласковой Владимер-князь:
«Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, как вас по именю зовут,
А по именю вам мочно место дать,
По изо(т)честву можно пожаловати».
Говорит тут Алеша Попович млад:
«Меня, асударь, зовут Алешою Поповичем,
Из города Ростова старова попа соборнова».

Втапоры Владимер-князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
По отечеству садися в большое место, в передней уголок,
В другое место богатырское —
В дубову скомью против меня,
В третье место, куда сам захошь».
Не садился Алеша в место большее
И не садился в дубову скамью,
Сел он со своими товарыщи на полатной брус.
Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей.
Сажали в место большое,
И подле ево сидела княгиня Апраксевна.
Тут повары были догадливы:
Понесли ества сахарные и питья медяныя,
А питья все заморския.
Стали тут пить, есть, прохложатися,
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест:
По целой ковриге за щеку мечит,
Те ковриги монастырския;
И нечестно Тугарин питья пьет:
По целой чаше охлестовает,
Котора чаша в полтретья ведра.
И говорил втапоры Алеша Попович млад:
«Гой еси ты, ласковой сударь Владимер-князь!
Что у тебя за болван пришел,
Что за дурак неотесоной?
Нечестно у князя за столом сидит,
Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет,
Целует во уста сахарныя,
Тебе, князю, насмехается!
А у моево сударя-батюшка

Была собачишша старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася, —
Взял ее за хвост, под гору махнул;
От меня Тугарину то же будет!».
Тугарин почернел, как осення ночь,
Алеша Попович стал как светел месяц.
И опять втапоры повары были догадливы:
Носят ества сахарныя.
И принесли лебедушку белую,
И ту рушала княгиня лебедь белую,
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцом, под стол опустила,
Говорила таково слово:
«Гой вы еси, княгини-боярыни,
Либо мне резать лебедь белова,
Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича».
Он взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглатил,
Еще тут же ковригу монастырскую.
Говорит Алеша на полатном брусу:
«Гой еси, ласковой асударь Владимер-князь!
Что у тебе за болван сидит?
Что за дурак неотесоной?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест:
По целой ковриге за щеку мечит
И целу лебедушку вдруг проглотил.
У моево сударя-батюшка,
Федора попа ростовскаго,
Была коровишша старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресныя,

От того она лопнула, —
Взял за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!».
Тугарин потемнел, как осення ночь,
Выдернул чингалишша булатное,
Бросил в Алешу Поповича.
Алеша на то-то вёрток был,
Не мог Тугарин попасть в него,
Подхватил чингалишша Еким Иванович,
Говорил Алеши Поповичу:
«Сам ли ты бросаешь в ево, али мне велишь?».
— «Нет, я сам не бросаю и тебе не велю,
Заутра с ним переведаюсь:
Бьюсь я с ним о велик заклад —
Не о сте рублях, не о тысячи,
А бьюсь о своей буйной голове!».
Втапоры князи и бояра скочили на резвы ноги
И все за Тугарина поруки держат:
Князи кладут по сту рублев,
Бояра — по пятидесят,
Крестьяна — по пяти рублев.
Тут же случилися гости купеческия,
Три карабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всяки тавары заморския,
Которы стоят на быстром Непре,
А зо Алешу подписавал
Владыка черниговской.
Втапоры Тугарин звился и вон ушел.
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажных крыльех поднебесью летать.
Скочила княгиня Апраксевна на резвы ноги,
Стала пенять Алеши Поповичу:
«Деревеншина ты, засельшина!
Не дал посидеть другу милому».

Втапоры тово Алеша не слушался,
[В]звился с товарыщи и вон пошел.
Садился на добры кони,
Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней опустили в зелены луга.
Тут Алеша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
«Создай, боже, тучу грозную,
А и тучи-то с градом дождя!».
Алешины молитвы доходны ко Христу.
Дает господь бог тучу с градом дождя,
Замочила Тугарина крылья бумажныя,
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.
Приходил Еким Иванович,
Сказал Алеши Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле.
И скоро Алеша нарежается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку вострую
И поехал к Тугарину Змеевичу.
И увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:
«Гой еси ты, Алеша Попович млад!
Хошь ли, я тебе огнем спалю?
Хошь ли, Алеша, конем стопчу
Али тебе, Алешу, копьем заколю?».
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мною о велик заклад —
Биться-драться един на един,
А за тобою ноне силы сметы нет
На меня, Алешу Поповича».
Оглянется Тугарин назад себя,

Втапоры Алеша подскочил,
Ему голову срубил,
И пала глава на сыру землю, как пивной котел.
Алеша скочил со добра коня,
Отвезал чембур от добра коня,
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привезал к добру коню,
И привез в Киев на княженецкой двор,
Бросил середи двора княженецкова.
И увидел Алешу Владимер-князь,
Повел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы;
Тут для Алеши и стол пошел.
Сколько время покушавши,
Говорил Владимер-князь:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне свет дал,
Пожалуй ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимеру,
До люби тебе пожалую!».
Втапоры Алеша Попович млад
Князя не ослушался,
Стал служить верою и правдою;
А княгиня говорила Алеши Поповичу:
«Деревеншина ты, засельшина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретиным».
Отвечает Алеша Попович млад:
«А ты гой еси, матушка княгиня Апраксевна!
Чуть не назвал я тебе сукою,
Сукою-ту — волочайкаю!».
То старина, то и деянье.

* * *

Хотите такую же сказку, но чтобы героем стал ваш ребёнок?

Зайдите на сайт skazka4you.ru: загрузите фото малыша, выберите сюжет, и мы напишем сказку, где он главный герой, а на иллюстрациях будет нарисован по фото. Текст сказки и первая иллюстрация бесплатно.

Текст: Кирша Данилов, «Древние российские стихотворения» (1818). Произведение в общественном достоянии.

Озвучка этой сказки на сайте создана нейросетью.